В этот сезон я был направлен на завершение работ на участке, где была открыта небольшая кимберлитовая трубка. Горный отряд понадобился на другом участке, и меня перебросили сюда для продолжения работ, где я присутствовал на уничтожении остатков аммонита.

Его заложили в центре выявленного кимберлитового тела. После взрыва на этом месте появилась воронка глубиной полтора-два метра и диаметром около двадцати метров.

Начальник отряда спустился в воронку, которая стала быстро наполняться талой водой, и стал что-то замерять компасом. Я видел в мокрых стенках воронки только мёрзлый щебнисто-валунный грунт и не понимал, что можно там измерять.

— Залегание...— ответил Валера на мой вопрос.

Залегание в элювии брекчии? Я не стал больше расспрашивать, так как он был довольно самолюбив, был здесь «хозяином», а я хотел сохранить дружеские отношения.

В «наследство» мне были оставлены лёгкий буровой станок и вездеход для перевозки станка по участку.

Само место для лагеря было очень красивое — на высокой террасе реки Малая Куонамка, у устья крупного ручья Онгхой-Юрях. Река шла неглубоким плёсом с паберегой. И вид из бокового окошка палатки просматривался далеко вдаль — это я уже на предмет живности. На участок же, на плоскую вершину сопки, за год предыдущих работ была набита хорошая тропа, а по тропе, как известно, идти всегда и легко, и быстро, и приятно. Уж я-то знал толк в хождении по ним — и по кочкарнику на Колыме, и по щебенчатым склонам Верхоянья...

Моей главной задачей было понять, что же «творится» на участке, выявить и подтвердить бурением кимберлитовые тела, если таковые найдутся, и провести

отбор металлометрических проб («металок», как их называли). В геохимию (для облегчения поисков кимберлитов) я не верил, так как не видел по результатам предыдущих работ, чтобы она чем-то помогла, но план есть план, деньги надо осваивать, раз заложены, и работы эти выполнял со всей ответственностью.

И даже когда в середине сезона начальник партии спросил меня по рации, не смогу ли я увеличить свой план по металке вдвое, ответил:

— Сделаем! — и нарастил сеть опробования ещё двумя участками по простиранию отработанного.

За сезон я хорошо изучил участок, эту плоскую поверхность сопки, всю в мелко-глыбовых развалах метаморфических пород с отдельными задернованными полосками разрежённого лесочка и кустарника. Я исходил его вдоль и поперёк. Казалось, я знал каждый камешек (глыбу), отбирая шлиховые пробы в местах мало-мальски дешифрирующихся фотоаномалий, представленных на местности некоторым скоплением кустарника. Не говорю уж о профилях, которые мы прорубили с затёсами, расставляя колышки-пикеты и отбирая по созданной сетке металку и шлихи.

Периодически к нам оказией залетал вертолёт. Мы забирали почту и отправляли на подбазу ящики с металками. А вот шлихи отправлялись нашему минералогу, которая развернула лабораторию в полевом лагере на реке Оленёк. Результаты мы получали довольно быстро, и я мог доопробовать места нахождения минералов-спутников. Я отбирал шлиховые пробы, отмывал их в нашем пруду, отчего вода в нём вскоре из чистой стала мутной коричневой жижей, домывал в ручье и вновь готовил посылку Татьяне.

Но хорошие результаты не получались, чувствовалось какое-то общее заражение, и в этом не было ничего удивительного, так как поверхность была плоской, а элювий двух выявленных трубочек мог «заразить» всю поверхность. Двух — поскольку буровой станок в одной из перспективных точек, которую мы разбуривали, постоянно сгущая сетку бурения «крестом», показывал перспективу, пока не вскрыл элювий кимберлита в центральной части. Я отметил это место как дайку, а может быть, жилу. Ведь скважины были сужены здесь уже до полуметра.

Хочется отметить странную закономерность в живности. Никаких куропаток, никаких уток, в реке никаких ленков и хариусов. Только крупные чайки, мы их звали «мартынами», летали над рекой или бродили по отмели, вылавливая рыбью мелюзгу. Но на кухонном столе у нас стабильно была жареная рыба. Не так чтобы от пуза, но по куску на обед всем хватало. Дело в том, что на закидушки попадались налимы. По одному где-то через день-два. Не очень крупные, но и не мелкие. Напрасно многие относятся к ним критически. Нормальная вкусная рыба. Даже щука, которую здесь презрительно называют «сардон», довольно вкусна и совершенно не пахнет тиной — возможно, это оттого, что водится в чистой прозрачной воде.

Но наступила осень. Окрестности приобрели свой осенний жёлто-красный наряд. По ночам стало подмораживать. Работы подошли к концу, а хороших результатов как не было, так и не стало. А главное, чувствовалось по изученности, что что-то есть, а что — непонятно. Я всё больше приходил к мнению, что поверхность сопки просто заражена эрозионным материалом от выявленных двух мелких кимберлитовых тел.

Нужно было уже готовиться к эвакуации лагеря. А главное, погрузить буровую на вездеход и осторожно спустить его вниз по склону к лагерю по пробитой серпантином и наезженной им самим дороге. Осторожно, потому что дорога эта хоть и шла по залесенному склону, но среди глыбовых развалов с уступчиками. И гусеницы, особенно в местах поворота, часто соскакивали.

И вот был намечен последний день. День завершения работ и спуска вездехода. Вечером, как обычно, выйдя на связь, чтобы сказать очередное: «У меня ничего нет!» — я в ответ получил очередную сводку от Татьяны. И в одной из проб, отобранной на пикете на самом западе участка,— полный набор значительного количества пиропа и пикроильменита в «рубашках»: это уже не заражение, такой результат мог быть только с пробы самого элювия кимберлита.

Времени на бурение уже не было, и с утра, позавтракав, мы потопали по тропе на участок. Ребята стали готовить буровую к погрузке на вездеход, а я пошёл на пикет, где была отобрана проба. Выйдя на профиль и на нужный пикет, где отлично сохранилась закопушка, из которой отбирался материал, наклонился, чтобы пощупать материал, и, ещё не успев дотронуться

до него, разглядел в мерзлотной высыпке... дресву кимберлита. Я выпрямился и, как будто неожиданно прозрев, сразу понял, что «творится» на участке: передо мной через весь участок тянулась узкая прямолинейная протяжённая зелёная полоска кимберлитовой дресвы, шириной около сорока сантиметров, отлично выделяющаяся на фоне жёлто-красной растительности. Это была кимберлитовая дайка! Спасибо, осень!

Обегав участок, стало понятно: здесь пять кимберлитовых даек, все они одного простирания — метров по двести, параллельные друг другу, одной ширины; отлично видимые сейчас, осенью. Они хорошо объясняют заражение участка минералами-спутниками, на них пришлись две выявленные якобы трубки, и ещё они хорошо дешифрировались на аэрофотоснимках тёмными полосками на сером пятнистом фоне архейских пород.

Дайки получили название по ручью Онгхой. Я порадовал результатами начальника, а он — главного геолога экспедиции.

— А как же быть с трубкой? — спросил я потом Тимофеева. — Там же просто дайка...

— Да, напиши — раздув...— видно, и ему не хотелось спорить с ворчащим самолюбивым Валерой.

Потом и сам Валера согласился с наличием на участке даек. И, рассматривая в бинокуляр материал шлихов, даже нашёл в них мелкие обломочки кимберлитов.

Во второй половине дня мы начали потихоньку спуск по склону вездехода, загруженного буровым станком. Потихоньку... потихоньку... аккуратно... Пару раз, правда, «разулись», но быстро привычно «обулись» и благополучно выехали к лагерю. Там мы и оставили его на консервации.

Но осень сделала нам и ещё один подарок! Эвакуация лагеря затянулась: с вертолётами всегда так — то спецрейс, то санрейс, то ресурс кончился, то непогода по дороге, то ещё что-нибудь... А мы собрались, стащили всё, что можно и не нужно уже, на косу, где будет садиться вертолёт. Осталось свернуть спальники, палатки, рацию, вытрясти печки, сложить раскладушки — но это по прилёте борта.

Я лежал в палатке, поглядывал по привычке в боковое окошко, затянутое противомоскитной сеткой. Погода в августе чудесная: комаров нет, погода погожая, ночью подмораживает, а днём тепло. И тут я заметил какое-то движение на речке — глаз привычно реагирует на движение. Сначала я подумал, что

это «мартын», но почему он плывёт строго к берегу? Вот он потихоньку выходит на берег... Заяц?.. Я взял бинокль... Да нет, «маловато будет»... Он выходит... Олень! Белый олень!

Скатившись с раскладушки и схватив карабин, потихоньку, прячась за кустиками и невысокими бугорками, стал подкрадываться к оленю. А по залесенной террасе позади меня кто-то из рабочих в тёмной телогрейке, заметив, что я выскочил куда-то с карабином, пошёл за мной, да ещё и во весь рост... Я погрозил ему кулаком и махнул рукой: пригнись, мол, ложись... Он залёг.

Особо рисковать я не стал — спугнёшь ещё... Олень почему-то не убегал в лес, а спокойно стоял на косе... Домашний? Но ни один оленевод за весь сезон не проходил мимо нас. Был домашний, отбился и одичал? Возможно. А мы весь сезон на консервах, за исключением дарованных нам природой речных даров (налимов).

Выстрелил я метров со ста... Олень вздрогнул... Попал! Выпустил обойму, чтобы наверняка. Он упал. Разделав его, разделил на части, отложил печень и сердце, требуху завернул в шкуру и сложил в камнях, заложил там же голову с шеей. Подбежавшие ребята отнесли всё в лагерь и подвесили на ветерке, чтобы обдуло.

Первым делом пожарили печёнку. И вырезку. Свежая печёнка, да со свежим хлебушком, да с чайком... У-у-у! До чего же вкусно! Ну и «порадовались» же мы...

Что готовить из мяса дальше?

— Давай для начала просто отварим его,— попросили ребята.

Очень уж соскучились все по свежему мясу. И мы сварили ведро мяса. Каким же вкусным оно оказалось... Когда мы его съели, запивая мясным бульоном, ребята сказали:

— Давай сварим ещё!

Так мы и съели всё мясо, только отваривая, и даже жарить не хотелось... А когда оно кончилось, я достал из камней голову и отрезал шею. Так мы и съели всё, наслаждаясь вкусом оленины.

Вертолёт не прилетал, видимо, чтобы не мешать нашему наслаждению, но тут же прилетел, как только всё мясо было съедено...

Мы погрузились и вылетели в Оленёк.